

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ У АЛЕУТОВ

Рассматриваются механизмы социального контроля, нормы и санкции в алеутском этносе, а также функционирование различных институтов, территориальное поведение, распределение ресурсов и территориальные конфликты, регулирование социальных отношений у алеутов. Анализируется взаимодействие и экономические отношения с Российско-Американской компанией.

Ключевые слова: алеуты; социальный контроль; редистрибуция; реципрокация; территориальное поведение.

Социальный контроль – это механизм, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают соблюдение определенных ограничений (условий), нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы [1].

Записи русских путешественников И.Е. Вениаминова, В.М. Головнина и А.П. Лазарева являются основными источниками для рассмотрения механизмов социального контроля у алеутов. И.Е. Вениаминов, православный миссионер, отправился в Русскую Америку для организации церковно-приходских школ. В 1824 г. прибыл на о. Уналашка. По разным данным, прожил на Алеутских островах около 16 лет, иногда покидая колонию. Последний визит И.Е. Вениаминова в Русскую Америку произошел в 1857 г. Он сформировал и собрал наибольшее количество данных об алеутах, систематизировал эти материалы и сведения. В.М. Головнин и А.П. Лазарев – русские военные мореплаватели, совершившие кругосветные путешествия. В.М. Головнин совершил плавание на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг., но побывал на Аляске десятью годами ранее на шлюпе «Диана». А.П. Лазарев совершил путешествие на шлюпе «Ладoga» в 1822–1824 гг. Они собрали коллекцию этнографических материалов и составили описание встречающихся народов [2. С. 59–68, 99, 105–122].

Территориальное поведение и распределение ресурсов. Основным источником ресурсов для алеутов служила охота на морского зверя (каланов, сивучей, морских котиков и т.д.). Это стало результатом адаптации алеутов к экстремальной окружающей среде.

Распределение ресурсов при коллективной охоте носило уравнилительный характер. Алеутскими охотниками практиковалась как коллективная скоординированная охота, так и индивидуальная охота на морского зверя. Один охотник был в состоянии обеспечить себя и семью, добывая в море 100–200 кг, привозя внутри байдарки и приблизительно столько же на буксире [3. С. 108–109].

Распределение ресурсов. Р.Г. Ляпунова отмечает индивидуальное присвоение добытых ресурсов, но с элементами коллективного распределения. Так, например, алеут после индивидуальной охоты раздавал каждому жителю своего селения по куску от первого убитого зверя [Там же. С. 109].

Р.Г. Ляпунова ставит под сомнение наличие у алеутов нормы коллективного распределения ресурсов, считая, что на смену когда-то существовавшему коллективному распределению пришло родственное. В подтверждение этому она приводит пример того, что при коллективной охоте алеут первого добытого морского зверя отдавал ближайшему родственнику [Там же. С. 109–110].

К коллективному распределению прибегали в основном при обнаружении выброшенного на берег кита или морского зверя. Тоэн (алеут, обладающий властными полномочиями в группе алеутов; выделяют тоэнов поселений и тоэнов островов, иначе – верховных тоэнов) распределял найденное поровну между жителями поселения, при этом нашедший на берегу кита получал часть кишок, сухожилий и перепонки с языка. По обнаруженному оружию устанавливали собственника, который получал лучшую часть добычи [3. С. 110–111]. Добытого сивуча распределяли следующим образом: мясо делилось между всеми участниками, при этом первый, кто попал в зверя, получал половину кожи и кишок, также имея право назначить любого, кому достанется вторая часть; второй стрелок забирал горло и остальные кишки; третий забирал пузырь; четвертый и пятый – передние лапы; шестой и седьмой брали задние лапы [Там же. С. 111].

Нужно сказать, что при перераспределении добычи охотники стремились присвоить себе как можно большую часть добычи. Коллективное распределение ресурсов в общине происходило лишь в условиях большого недостатка этих ресурсов, что позволяло равномерно распределить добычу и обеспечить жителей общины в кризисный период [Там же. С. 110]. Распределение ресурсов связано с территориальными конфликтами.

Территориальные конфликты. Основной причиной этих конфликтов становились места промысла. Каждая община имела определенный участок и права на добычу зверя, а также на то, что выбрасывалось на берег. Нарушителями подобных норм становились алеуты, как правило, не имевшие подобного ресурса, не обладавшие собственной промысловой территорией. За нарушение установленного правила их изгоняли, даже могли убить. Каждый, кто находил на территории чужого промысла хоть что-нибудь, должен был обращаться к хозяевам и просить разрешения, чтобы это забрать. Каждый тоэн общины должен был следить за соблюдением границ и регулировать территориальные споры. При этом у него не было права присваивать ресурсы, находящиеся на территории своей общины, в отличие от верховного тоэна, который обладал правом на часть выброшенного на берег своего острова [3. С. 111–113].

Следует предположить, что алеутами, не обладавшими своей промысловой территорией, были освобожденные рабы, сироты, а также изгнанники, прибывшие с других островов.

Роль тоэна в регулировании социальных отношений. Статус тоэна острова / поселения был наследуемым по родственной связи с предками, которые первыми заселились на конкретном острове. В случае, ес-

ли не было потомка «первопроходцев», тоэн избирался по личным качествам и умениям. И.Е. Вениаминов отмечает такие качества избираемого тоэна: благоразумие, храбрость, превосходство в промысловом искусстве [4. С. 167]. Следует предположить, что смена тоэна производилась выборным путем по таким же качествам.

Рассмотренные выше механизмы редистрибуции и реципрокации демонстрируют роль тоэна поселения и тоэна острова как ведущую в социальном механизме, регулирующем социально-экономические отношения и территориальные споры, а также демонстрируют то, что тоэны не обладали «безграничной» властью. Их влияние и власть были ограничены устоявшимися нормами поведения в группе.

Тоэны имеют власть только над своими калгами (рабами), а алеуты, не являющиеся рабами, вполне могут покинуть тоэна и, судя по всему, свое поселение [5. С. 159–160], что уже является механизмом ограничения власти и влияния тоэна на свободных алеутов.

Стоит отметить и то, что ради собственного благополучия в период кризиса алеуты могли переселяться на другой остров, идя на понижение собственного статуса ради поиска лучших условий, что неизбежно приводило к территориальным конфликтам, потому что вновь прибывшие не обладали промысловой территорией и им приходилось нарушать границы.

В контексте распределения добычи тоэн имел такое же положение, как и любой алеут, т.е. тоэн получал равную долю добычи от промысла. При этом *тоэн обладал властью и возможностью распоряжаться человеческим ресурсом, но только в том случае, если задачи, решаемые им, несли общую пользу и выгоду группе*. Следовательно, тоэн не имел права ставить свои интересы выше интересов группы. Например, И.Е. Вениаминов отмечает, что «заставить сделать собственно для себя – он не мог никого» [4. С. 166–167].

Тоэн не мог изымать у кого-либо из своей группы ресурсы ради наживы. Не имел права единолично выносить приговоры на суде. Тоэн не мог вступать в военные походы без согласования с другими тоэнами и позволения тоэна острова. Но у него была возможность мобилизовать своих подданных на коллективные промыслы. Внешних церемониальных действий, подчеркивающих его социальный статус, простые алеуты перед ним не демонстрировали, но если их тоэн был оскорблен, это приравнивалось к личному оскорблению и обязывало их мстить. В свою очередь, тоэн был обязан защищать и отстаивать честь, достоинство и права подданных [4. С. 167].

У тоэна не было ярко выраженного привилегированного положения в своей группе, его функцию в группе можно обозначить как административную. На межобщинном уровне к административной функции добавлялась представительская.

Во время вооруженных конфликтов тоэн острова / поселения мобилизовывал и возглавлял своих воинов, но решение о вступлении в конфликт и заключении мира с противником принималось согласованно с другими тоэнами поселений и тоэном острова [4. С. 167–168].

Тоэны островов были важнее остальных алеутов ввиду того, что они обладали правом на часть выброшенного на остров, а их положение, судя по всему, среди других тоэнов островов зависело от *влияния* на своих подчиненных и их *авторитета*.

Стоит отметить, что довольно сложно провести разграничения между тоэном поселения и тоэном острова ввиду того, что И.Е. Вениаминов, описывавший институт тоэнов, не всегда дает четкое описание и разграничение.

Суд, кара и награда. Тоэн или верховный тоэн имел право организовывать суд над преступником. Стоит отметить, что не только у тоэна была возможность мобилизации людей для суда, этой возможностью обладали старейшины и почетные алеуты, которые обладали этим правом. Представители других социальных страт, вероятно, не допускались. Алеут, организовавший суд, отмечается И.Е. Вениаминовым как «первенствующий судья». На «судилище» присутствовали представители одного поселения, которые решали вопрос о виновности или невиновности соплеменника. За убийство, предательство / измену, распускание сплетен, разглашение тайн назначалась смертная казнь. При этом подобному наказанию подвергались все, независимо от социального положения и статуса. Суд проходил в следующем порядке: тоэн или «первенствующий судья» поднимал вопрос о виновности соплеменника, присяжные в лице старейшин и «почетных» алеутов путем голосования решали его судьбу. При этом И.Е. Вениаминов отмечает, что вердикт суда выносился только единогласным решением. В случае признания вины алеуты собирались на открытом месте, и каждый из присяжных бросал по одной стреле в преступника, который находился на расстоянии. Если преступник после казни оставался жив, то тоэн или «первенствующий судья» мог отдать приказ об убийстве или помиловании [4. С. 168–169]. Это можно обозначить как *ордалия*, так как для оправдания преступнику нужно было пройти испытание, которое было возможно благодаря покровительству «высших сил». Ордалия применялась только к людям, обладающим особым статусом или свободой [6. С. 400–402].

Виновный, не испугавшийся смерти и стойко перенесший суд и казнь, становился героем, а его поступок получал отражение в народном творчестве. И.Е. Вениаминов так описывает этот процесс: «И надобно сказать, что преступника не нужно было держать под стражей или на место казни вести связанного; потому что всякой преступник старался как можно более показать своего хладнокровья и неустрашимости при виде смерти; и потому он не думал запереться в своем преступлении или извиняться и еще менее просить пощады и милости; но напротив того говорил пред судьями без робости и свои поступки рассказывал хвастовски и как бы с намерением раздражить своих судей и обвинителей; на место казни шел как можно бодрее, для того, чтобы оставить по себе славу неустрашимого» [4. С. 169].

Таким образом, суд, сопровождавшийся церемонией, позволял виновному остаться безнаказанным и получить признание и уважение.

Противоположная ситуация наблюдается у рабов (калгов). Согласно Р.Г. Ляпуновой, калги были «меновой единицей»: за пару рабов (мужа и жену) хозяин мог получить байдарку и парку, за одного раба можно было получить каменный нож, бобровую парку и пр. Наказания калгов были четко установлены: за неподчинение хозяину отрезали уши, за раскрытие разговоров хозяина отрезали губы, за заговор против хозяина карали смертью. За первую попытку побега избивали, за вторую – связывали на некоторое время, за третью – резали икры ног, за четвертую – убивали [3. С. 115].

У алеутов были всевозможные инструменты для соблюдения норм в своей социальной среде: институт тоэнов, суды для вольных с возможностью избежать наказания и система наказаний для рабов.

Взаимодействие с Российско-Американской компанией (РАК) и влияние русских.

Возникновение РАК. Много усилий для возникновения компании приложил Г. Шелихов – купец, который в 1784 г. основал первое поселение на о. Кадьяк [7. С. 464]. В 1799 г. из нескольких конкурирующих между собой купеческих компаний была образована РАК, получившая от правительства монополию на ведение промысла и торговли, что позволяло установить тотальный социально-экономический контроль в регионе.

Можно выделить причины, послужившие возникновению РАК:

- компания, обладающая монополией, отвечала политической потребности Российской империи в установлении контролируемых процессов, протекающих в регионе, и колонизации;
- необходимость в контроле эксплуатации жителей региона;
- необходимость в контроле добычи ресурсов и их распределения;
- политическая потребность в закреплении власти Российской империи в регионе для устранения конкурентов из других государств.

Социальная и этническая дифференциация. Можно дифференцировать две группы туземцев по социальному статусу и социально-экономическому положению: *зависимые* от компании индейцы, эскимосы и алеуты, находящиеся под контролем администрации или военных моряков, живущие в поселениях либо при них; *независимые*, обитавшие в приграничных территориях или отдаленно от них. Зависимые, имеющие самый низкий статус, – каюры [8. С. 77]. Термин «каюры» был введен в обиход русскими, он часто использовался в переписках Шелихова для обозначения работающих на компанию аборигенов. Они являлись самым угнетенным классом, но до начала 1820-х гг. институт каюров был упразднен, а позже подневольные алеуты получили статус служащих и жалованье от 100 до 180 руб. в год [7. С. 464–465, 475]. Но, исходя из записей А. Лазарева, находящиеся в зависимости от компании назывались кагорами (невольными) [5. С. 165].

Инструмент долговых обязательств. Для установления подобных взаимоотношений использовался инструмент долговых обязательств (алеутам выдавались орудия труда, одежда, бисер и т.д.), обязываю-

щий их отработать данные долги на промысле. Это, в свою очередь, повлияло на то, что алеуты перестали употреблять добываемого ими морского зверя и перешли на рыбу и растительную пищу. Несмотря на экономическую зависимость, сами алеуты проявляли интерес к товару пришлого населения, цены на который были завышены. Например, рубашка, привезенная русскими, стоила три шкуры бобра. Помимо этого, завозились железные инструменты, бытовые принадлежности, а также табак [9. С. 73–77].

Пример экономической зависимости алеутов: промысловики-алеуты должны были перед отправкой на промысел приобрести в торговой лавке компании две камлейки стоимостью по 5 руб. (изготавливали и поставляли камлейки и другие товары алеутские женщины), при этом стоимость одного добытого бобра была 10 руб., а за летний охотничий сезон один алеут мог добыть 2–3 бобра. Но расчет с алеутами осуществлялся не действительными деньгами, установленными в Российской империи – рублями, а бартерным обменом либо «марками» – денежным суррогатом [5. С. 163].

Таким образом, зависимые алеуты обеспечивали компании прибыль, более того, это яркий пример установления их зависимости от компании.

А. Лазарев отмечает: «Промышленники, находящиеся ныне на жаловании, а не в паю, не могут уже пользоваться удачею промысла; они должны всякую нужную одежду и обувь брать из лавки в счет жалования, от чего по истечении года долг на них постепенно увеличивается так, что многие, пробыв следующее лето по контракту, принуждены бывают без всякого срока и надежды на уплату остаться в неволе, в которую завлекают их обольстительные рассказы услужливых краснобаев Компании» [Там же. С. 163–164].

Данный период отличается тем, что традиционная социально-экономическая система алеутов кардинально сменялась на новую, нацеленную на максимальную эксплуатацию природных и человеческих ресурсов. В это время возникновение и доминирование нового конкурента – Российско-Американской торговой компании – повлекло за собой изменение традиционных механизмов редиистрибуции и реципрокации.

Следует отметить, что с появлением Российско-Американской компании условия распределения и конкуренции внутри алеутского этноса кардинально меняются: добыча ресурсов алеутами принимает характер хищнического забоя морского зверя уже не для собственного потребления или торговли с русскими, а для обеспечения прибыли компании; алеуты получили статус рабочих компании; РАК обладала монополией в регионе на ведение морской охоты. Таким образом, алеуты были вынуждены идти на службу в РАК, чтобы получить право добывать морского зверя, что оказало большое влияние на их социально-экономический уклад.

Согласно записке капитана 2-го ранга В.М. Головнина, прибывшего в РАК с ревизией, чиновники и промышленники установили свой авторитарный режим управления на территории РАК. Отсутствовали суды, а решение о виновности и наказании принима-

лись без судебного собрания, по прихоти управляющих: «...все дела решаются и наказания производятся волею одного человека» [10. С. 118].

Мужчины-алеуты находились под постоянным влиянием промышленников, для которых единственной целью была добыча зверя. Женщины и дети уводились из семей алеутов, их забирали чиновники и промышленники РАК. С уведенными женщинами вступали в половую связь. Православными миссионерами никакого учета населения не производилось из-за РАК, которая всячески препятствовала этому. Во время христианских праздников, которые были нерабочими днями, принявшие православие алеуты обязаны были работать [Там же. С. 116–119]. Стремление обладать алеутскими женщинами можно объяснить еще сакральностью, которой они обладали как хранительницы власти, передавая ее своим мужьям [11. С. 48–49]. В данном случае обладание женщинами наделяло сакральной властью русских служащих РАК.

Служащие РАК в Новоархангельске брали аманатов – детей вождей из живущих в округе колошан, с целью подавления напряженности и предотвращения насильственных конфликтов [5. С. 174].

Возможно, служащие РАК забирали детей и женщин у алеутов с этой же целью, получая возможность контролировать мужское население, чтобы принудить их к лояльности и промыслу в пользу компании.

Таким образом, алеутский этнос, адаптированный к добыче ресурсов в тяжелых климатических условиях, выработавший санкции и нормы поведения, механизмы контроля и распределения ресурсов, механизмы административного функционирования, имеющий суды, жестко карающий всех, кто, находясь внизу социальной иерархии, демонстрировал неподчинение, оказавшись сам на низшей ступени и, столкнувшись с таким же отношением к себе, безоговорочно принял отведенную роль зависимого должника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальный контроль // Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/134797> (дата обращения: 05.03.2017).
2. Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014) / отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб. : МАЭ РАН, 2015. 504 с.
3. Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов. Л. : Наука, 1975. 199 с.
4. Вениаминов И. Замечания об алеутах (из записок об островах Уналашкинского отдела). М. : Либроком, 2011. 336 с.
5. Лазарев А. Плавание вокруг света на шлюпе Ладога в 1822, 1823 и 1824 годах. СПб. : Морская Типография, 1832. 275 с.
6. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. 632 с.
7. Гринев А.В. Туземцы-каюры в Русской Америке // Проблемы индеанистики. История и семиотика индейских культур в Америке, 2002. С. 464–477.
8. Гринев А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 74–88.
9. Ляпунова Р.Г. Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // Проблемы индеанистики. Америка после Колумба. Взаимодействие двух миров. 1992. С. 71–85.
10. Записка капитана 2 ранга Головинина о состоянии алеут в селеньях Российско-Американской компании // Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана. Приложение к Морскому Сборнику. СПб. : Типография морского министерства, 1861. № 1. 126 с.
11. Бочаров В.В. Власть: мужчина и женщина // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом ДВФУ, 2012. С. 42–60.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

MECHANISMS OF SOCIAL CONTROL AMONG THE ALEUTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 91–95.

DOI: 10.17223/15617793/422/13

Kirill S. Kartavtsev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: kartavcevs@gmail.com

Keywords: Aleuts; social control; redistribution; reciprocity; territorial behavior.

In this article, the author discusses the mechanisms of social control and regulation of social relations among the Aleuts during the development of Russian America. The author analyzes the resource allocation from the perspective of social anthropology, but also taking into account the results of previous studies of the Soviet ethnographic school. Lyapunova notes private appropriation of extracted resources, but with elements of collective distribution. For example, an Aleut after individual hunting gave a piece of meat of the first animal he killed to every resident of the village. Lyapunova doubts the Aleuts had norms of collective resource distribution, considering that instead of once existing collective distribution it is based on relations by blood. In support of this, she cites an example that after collective hunting an Aleut gave the first beast of the sea he killed to an immediate family member. The author analyzes the mechanisms of social control that reflect a clear system of differentiation and stratification among the Aleuts. The toen (chief) could not obtain any resources from anyone in his group for his own gain. He had no right to sentence a person by himself. The toen could not participate in military campaigns without the consent of other toens and the permission of the toen of the island. But he was able to mobilize his subjects for collective crafts. Ordinary Aleuts did not hold external ceremonies emphasizing his social status before him, but if their toen was offended, it was like a personal personal and obliged them to take revenge. In turn, the toen was obliged to defend and uphold the honor, dignity and rights of his subjects. Also, the toen or the supreme toen had the right to organize a trial of the offender. It should be noted that not only the toen but also the elders and honorable Aleuts had an opportunity to mobilize people for a trial. Representatives of other social strata were probably not allowed to do it. Veniaminov refers to an Aleut who organized a trial as the “primary judge”. Representatives of a single settlement participated in a trial and decided on the guilt or innocence of a fellow tribesman. Death penalty was a sentence for murder, betrayal, tattling, disclosure of secrets. All guilty people irrespective of their social position and status were sentenced. The trial was conducted in the following order: the toen or the “primary judge” raised the question of the guilt or innocence of a fellow tribesman, the jury in the face of the elders and honorable Aleuts decided the fate of the tribesperson by voting. When finding persons guilty, the Aleuts gathered in an open place, and each of

the jurors threw one arrow at the offender. The offender was at a distance. If after the execution the offender remained alive, the toon or the “primary judge” could issue the order to kill or pardon them.

REFERENCES

1. Akademik. (n.d.) Sotsial'nyy kontrol' [Social control]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/134797>. (Accessed: 05.03.2017).
2. Korsun, S.A. (2015) *Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014)* [American Studies in the Kunstkamera (1714–2014)]. St. Petersburg: MAE RAS.
3. Lyapunova, R.G. (1975) *Ocherki po etnografii aleutov* [Essays on the ethnography of the Aleuts]. Leningrad: Nauka.
4. Veniaminov, I. (2011) *Zamechaniya ob aleutakh (iz zapisok ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela)* [Remarks on the Aleuts (from notes on the islands of the Unalashka Division)]. Moscow: Librokom.
5. Lazarev, A. (1832) *Plavanie vokrug sveta na shlyupe Ladoga v 1822, 1823 i 1824 godakh* [Floating around the world on the sloop Ladoga in 1822, 1823 and 1824]. St. Petersburg: Morskaya Tipografiya.
6. Gurevich, A.Ya. (ed.) (2003) *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
7. Grinev, A.V. (2002) Tuzemtsy-kayury v Russkoy Amerike [Natives-kayurs in Russian America]. In: Borodatova, A.A. & Tishkov, V.A. (eds) *Problemy indeanistiki. Istoriya i semiotika indeyskikh kul'tur v Amerike* [Problems of Indian studies. History and semiotics of Indian cultures in America]. Moscow: Nauka.
8. Grinev, A.V. (2000) Tuzemtsy Alyaski, russkie promyshlenniki i Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya: sistema ekonomicheskikh otnosheniy [The natives of Alaska, Russian industrialists and the Russian-American company: the system of economic relations]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 74–88.
9. Lyapunova, R.G. (1992) Etnokul'turnye kontakty russkikh s aleutami i tikhookeanskimi eskimosami v XVIII–XIX vv. [Ethnocultural contacts of Russians with the Aleuts and Pacific Eskimos in the 18th–19th centuries]. In: Tishkov, V.A. et al. *Problemy indeanistiki. Amerika posle Kolumba. Vzaimodeystvie dvukh mirov* [Problems of Indian studies. America after Columbus. Interaction of two worlds]. Moscow: Nauka.
10. Golovnin. (1861) Zapiska kapitana 2 ranga Golovnina o sostoyanii aleut v selen'yakh Rossiysko-Amerikanskoy kompanii [A note of Commander Golovnin on the state of the Aleuts in the settlements of the Russian-American Company]. In: *Materialy dlya istorii russkikh zaseleniy po beregam vostochnogo okeana. Prilozhenie k Morskomu Sborniku* [Materials for the history of Russian colonies along the shores of the eastern ocean. Appendix to the Maritime Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva.
11. Bocharov, V.V. (2012) [Power: man and woman]. *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies] Proceedings of the international conference. Vladivostok: FEPU. pp. 42–60. (In Russian).

Received: 28 June 2017